

«Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора в 1920-е гг.

Евгения Долгова

«My death would be a great disaster to my family»: Some episodes from the life of a «bourgeois» professor in the 1920s

Eugeniya Dolgova (Russian State University for the Humanities, Moscow)

В исторических работах последних лет наметился отказ от резкого противопоставления дореволюционного и советского периодов в отечественной науке XX в.¹ Обосновывается положение о том, что, несмотря на изменения в политической сфере, события 1917 г. не привели к однозначному разрыву традиции. В качестве связующих нитей отмечаются персональная преемственность, функционирование научно-исследовательской традиции и устойчивость подходов в рамках сложившихся научных школ. Особая роль в сохранении традиции при этом отводится так называемой «старой профессуре», чьё профессиональное становление пришлось на конец XIX – начало XX в., а активная творческая деятельность совпала с периодом социально-политических трансформаций². В рамках предложенной концепции обосновывается тезис и о том, что механизмы трансляции традиции в 1920-е гг. не были реализованы в полную меру: возможности ведения научно-исследовательской и преподавательской работы для «старой профессуры» были искусственно затруднены, в первую очередь, по причине её отнесения к категориям «бывших людей» и «буржуазных специалистов»³. Однако если отойти от ставших традиционными представлений о

© 2015 г. Е.А. Долгова

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, № 33.2471.2014/К, при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных-кандидатов наук, проект МК- 5264.2015.6.

¹ См., например: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой. М., 2013; Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х–1930-е годы) / Под ред. А.Н. Дмитриева. М., 2012; Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – 1920-е годы). М., 2011; и др.

² См., например: Тихонов В.В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012; Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трёх поколений историков. М., 2008; и др.

³ См., например: Тихонов В.В. Указ. соч.; Подвластная наука: Наука и советская власть / Ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцова. М., 2010; Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии. Брянск, 2005; Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; Власть и наука, учёные и власть: 1880 – начало 1920-х годов: Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003. С. 173–185; Курепин А.А. Наука и власть в Ленинграде 1917–1931 гг. СПб., 2003; Романовский С.И. Наука под гнётом российской истории. СПб., 1999; Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений научной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г. / Под ред. Г.Л. Соболева. СПб., 1996; Перченко Ф.Ф. Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995; Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. Т. 1–2. М., 1991–1994; и др.

жизни «бывших людей» в послереволюционную эпоху⁴ от рассмотрения судеб «старой профессуры» через коллективный портрет научной генерации⁵, можно отметить пестроту индивидуальных линий вживания учёных в новые политические и социальные практики.

Очевидно, что популярная в исторической науке концепция незащищенности «старой профессуры» вследствие её социального происхождения и высокого положения, занимаемого ею до 1917 г., не вполне выдерживает эмпирическую проверку. Изучение биографий учёных открывает вариативность отношения к ним политического режима и различный объем предоставляемых им творческих возможностей⁶. Спорным и сложно установимым при этом представляется и сведение биографических линий ученых к принятому в науке понятию «поведенческих стратегий» и социальным детерминациям последних (т.е. представлению об активной, сознательно выстраиваемой линии поведения отдельных представителей науки, идущих на протест или сотрудничество с новым режимом)⁷.

В этой связи встаёт вопрос о границах применения просопографического и генерационного подходов при изучении истории науки и научного сообщества в первой трети XX в. При этом сложно без уточнений принять и попытку анализировать историю научного сообщества исключительно через индивидуальные биографии учёных. При всей субъективности, разнообразии, вариативности, дискуссионности научного пространства, существовали некоторые структурирующие, упорядочивающие, объединяющие его характеристики: сложившаяся в научном сообществе система воспроизводства и ротации научных элит; положенные в основу распределения благ принципы – с одной стороны, свободной научной конкуренции, с другой – ранжирования учёных в соответствии с их научным авторитетом и административными возможностями; сдержек и противовесов – неписаных правил, норм, этикета корпоративного поведения (воспринимаемых научным сообществом как форма (тип) социальной связи и символической солидарности)⁸. Именно изучение индивидуальной биографии

⁴ См., например: *Чуйкина С.А.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград, 1920–1930-х гг. Автореф. ... канд. соц. наук. СПб., 2006; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 годы. М., 2003; *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003; и др.

⁵ См., например: *Серых А.А.* Поколенческая идентичность историков России в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010; Поколения в науке (форум) // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 17–132; *Сидорова Л.А.* Указ. соч.; Очерки истории отечественной исторической науки...; *Герасимов И.В.* Всё влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука, учёные и власть... С. 278–297; и др.

⁶ При этом жизненные траектории отдельных лиц, не укладывающиеся в предложенную схему «репрессированной науки», трактуются как исключения из правила и служат богатым материалом для отдельных казуальных исследований. Например: *Сорокина М.Ю.* Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 248–254; *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Бремя выбора: почему В.И. Вернадский вернулся в Советскую Россию // Вопросы истории, естествознания и техники. 1998. № 3. С. 3–25; *Тодес Д.* Павлов и большевики // Там же. С. 26–59; и др.

⁷ См., например: *Гришина Н.В.* Историки «старой школы»: проблема вживания в советскую действительность // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 51–57; *Зезегова О.И.* Стратегии выживания учёных переломной эпохи (на примере выходцев из «русской исторической школы») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. Ч. 2. С. 62–64; и др.

⁸ *Бурдье П.* Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдье: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М.; СПб., 2001.

учёного в фокусе этих характеристик (с позиции его функционального положения в системе) позволяет объяснить вариативность в отношениях политического режима и представителей научного сообщества в 1920-е гг.

Не останавливаясь на сюжетах внутренней конкурентной борьбы в научном сообществе 1920-х гг., обратимся к другому аспекту проблемы. В данной работе выдвигается гипотеза о том, что причины вариативности отношения политического режима к учёным заключались не столько в готовности последних идти на компромисс (зачастую он и не требовался), сколько в различии их *символического статуса* – занимаемой учёным позиции в иерархии научного сообщества. В этом случае работал сформулированный Р.К. Мертонем так называемый эффект Матфея в науке – «каждому имеющему будет дано, и у него будет изобилие, а у неимеющего будет взято и то, что он имеет»⁹. Иными словами, не социальный и политический факторы определяли положение учёного «старой школы» в обществе, а скорее его дореволюционный статус диктовал особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении его советской социальной политики.

Предложенную гипотезу можно рассмотреть на примере постреволюционного периода жизни известного отечественного учёного – историка, социолога, теоретика и методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Кареев – профессор Санкт-Петербургского университета, в 1910 г. ставший членом-корреспондентом Российской академии наук, а в 1929 г. почётным членом Академии наук СССР – одна из самых заметных фигур в сфере научно-просветительской жизни первой трети XX в. К 1917 г. имя Кареева было широко известно как в Российской империи, так и за рубежом. Его научные труды обеспечили ему лидирующую позицию в научном сообществе: как основателя отечественной школы изучения Великой Французской революции¹⁰ как одного из пионеров в области институционализации социологии в России¹¹, как одного из самых коммерчески успешных авторов школьных учебников и виднейшего специалиста по проблемам образования¹². Авторитет учёного в научной и научно-просветительской деятельности обеспечил ему определённый вес не только в научной, но и в политической сфере¹³, и как следствие этого – наличие системы разветвленных связей в научных, общественно-политических, экономических, культурных кругах.

Как дворянин и представитель дореволюционной научной элиты Кареев, казалось бы, должен был в полной мере испытать на себе особенности отношения большевистского режима к «бывшим людям». Однако в действительности

⁹ Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.

¹⁰ Валк С.Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 147.

¹¹ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М., 1995. Гл. 1; Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии. Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2010.

¹² Лыскова И.Е. Научно-педагогическая деятельность Н.И. Кареева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2002.

¹³ Подробнее о политической позиции Н.И. Кареева см. Соловьёв К.А. Николай Иванович Кареев // Кареев Н.И. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и предисл. К.А. Соловьёв. М., 2010. С. 5–15; он же. Кареев Николай Иванович // Перводумцы: Сборник памяти депутатов Первой Государственной думы. М., 2006. С. 131–140; он же. Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан» // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2007. С. 395–400.

сти картина оказалась гораздо более сложной и неоднозначной. Фактически, большевистская власть признала высокий статус учёного. Особенно заметно это было в сфере обеспечения его материальными благами. При ранжировании учёных в начале 1920-х гг. Кареева отнесли к IV (из пяти) разряду по научной квалификации («выдающиеся учёные, являющиеся инициаторами или виднейшими представителями в России крупных научных направлений и школ и могущие указать ряд самостоятельных научных работников как своих учеников»¹⁴). В 1925 г. по собственному ходатайству он был переведён в V разряд («учёные мирового значения, а равно крупнейшие представители данной науки»)¹⁵. Если мы обратимся к статистике, то увидим, как организовывалась научная иерархия эпохи: по обнаруженной в фонде С.Ф. Платонова справке Петроградской комиссии по улучшению быта учёных «о количестве учёных, зачисленных в разряды», к V разряду были отнесены 29 учёных Петрограда при норме в 25, к IV – 95 учёных при норме в 90, к III («крупные учёные с большим научным и научно-учебным стажем и значительным количеством оригинальных научных работ, могущие руководить подготовкой научных специалистов») – 496 учёных при норме в 500; ко II («самостоятельные преподаватели и научные работники высших учебных заведений и научных учреждений, вполне подготовленные к выполняемой ими работе, имеющие научные и научно-учебные труды») – 1 325 ученых при норме в 1 500; к I («начинающие молодые учёные, имеющие научный стаж в виде хотя бы одной совершенно самостоятельной научной работы») – 866 учёных при норме в 600¹⁶. Разумеется, и распределение преимуществ между разрядами по научной квалификации было различным¹⁷.

Благодаря своему достигнутому до революции высокому статусу Кареев оказался причастен и к системе привилегий, сформулированных советским правительством для определённых социальных групп¹⁸. Так, его прошение о снижении обязательного для всех «революционного» налога, наложенного на учёного осенью 1918 г. (20 тыс. руб.) было удовлетворено (по ходатайству Петроградского университета налог был снижен до 5 184 руб.¹⁹). Вплоть до октября 1929 г. Кареев получал академическое обеспечение от Центральной комиссии по улучшению быта учёных²⁰. В условиях жилищных уплотнений он на практике реализовал право пользования дополнительной комнатой для научных занятий сверх общегражданской нормы жилищной площади²¹. Поддержано было и ходатайство учёного о выделении персональной пенсии от Академии наук СССР в размере 225 руб. с 1 января 1931 г.²²

¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ), ф. 585, оп. 1, д. 4922, л. 5.

¹⁵ Там же, д. 1039, л. 26 об.; д. 2957, л. 3.

¹⁶ Там же, д. 1051, л. 1.

¹⁷ Так, по денежному обеспечению за 1922 г. в Петрограде «одному лицу» было выдано: I разряда – 28 500 ден. зн., II – 42 750 ден. зн., III – 71 250 ден. зн., IV – 127 500 ден. зн., V – 171 250 ден. зн. (Краткий обзор организации ПетроКУБУ и её деятельности за трёхлетний период: 12 января 1920 г. – 12 января 1923 г. Пг., 1923. С. 9).

¹⁸ Подробнее о них см.: *Мэтьюз М.* Становление системы привилегий в советском государстве // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 45–61.

¹⁹ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб), ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 325–325 об., 330–330 об; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ), ф. 119, к. 19, д. 80, л. 6.

²⁰ ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 8.

²¹ ЦГИА СПб, ф. 2995, оп. 1, д. 444, л. 222.

²² ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 1–1 об.

Однако, казалось бы, несложно добиться того, что полагается по закону²³. Гораздо ярче роль научного статуса и личных связей в решении социально-бытовых проблем 1920-х гг. иллюстрирует история с изъятием фамильного имения Кареевых – Аносово Смоленской губ.²⁴ Во время кампании по изъятию бывших дворянских имений, проводившейся в соответствии с постановлением Президиума ЦИК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах»²⁵, смоленское в 1927 г. оно было конфисковано²⁶; но затем по ходатайству ВЦИК возмещено на подмосковное²⁷ (правда, для этого потребовался неформальный «выход» на А.С. Енукидзе через старые связи²⁸). После рассмотрения учёным нескольких вариантов, он получил в пожизненное владение дачу с $\frac{1}{3}$ десятины парка при деревне Никульское Подольского уезда Московской губ. («Белая дача»)²⁹. После смерти отца ходатайство его дочери Е.Н. Верейской об оставлении «Белой дачи» по протекции В.Д. Бонч-Бруевича было поддержано³⁰. В этой истории многое примечательно: и тот факт, что борьба за имение велась больше двух лет (это был единственный случай по статистике Смоленской губ.); и неформальное, сыгравшее решающую роль, ходатайство к А.С. Енукидзе; и положительное решение центрального руководства; и беспрецедентное разрешение конфликта.

Таким образом, статус Кареева защищал семью «старого профессора» в материальном отношении. В письме от 17 апреля 1929 г. к Н.П. Корелиной Кареев, отвечая на вопрос адресата, думает ли он о смерти, писал: «Без меня придётся плохо многим... Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой. Вот я её и не хочу. Это не эгоистический страх смерти и боязнь того, что будет там, за гробом, а жуткая мысль о том, как здесь, на земле, будут справляться без тебя близкие тебе по крови люди»³¹.

При этом не существует и убедительных свидетельств того, что, обеспечив учёного в социально-экономическом плане, власть сузила для него как представителя «буржуазной профессуры» творческие (преподавательские и издательские) возможности. В соответствии с дореволюционными нормами, учёный вышел на пенсию ещё 25/12 февраля 1918 г., получив звание почётного профессора; декретом же Наркомпроса от 1 октября 1918 г. его должность была возвращена в сетку штатной профессуры. Судя по свидетельству о заработной

²³ На самом деле, и положенного по закону в Советской России добиться было непросто: так, например, право для научных работников на лишнюю комнату или 20 кв. м сверх общегражданской нормы жилищной площади – постулируемая, но не всегда реализуемая на практике (особенно в Москве и Петрограде/Ленинграде) норма советского законодательства 1920-х гг. См.: *Тайцлин И.С.* Жилищные права и условия научных работников // *Научный работник*. 1927. № 1, январь. С. 38.

²⁴ Подробнее об этом см.: *Долгова Е.А., Тихонова А.В.* «Тяжёлое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ...»: частная жизнь профессора Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. // *Родина*. 2012. № 7. С. 158–160.

²⁵ Известия ЦИК СССР. 1929. 29 марта, № 72.

²⁶ Государственный архив Смоленской области, ф. Р-13, оп. 5, д. 33; ф. Р-268, оп. 3, д. 25.

²⁷ Там же, ф. Р-268, оп. 3, д. 25, л. 44; ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 13.

²⁸ Сохранилась и записка, датированная 20 января 1927 г., от члена Президиума ВЦСПС А.А. Андреева секретарю ЦИК СССР А.С. Енукидзе с неформальным ходатайством о «правильном направлении дела» (ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 2).

²⁹ РГАЛИ, ф. 1094, оп. 1, д. 14; ОР РГБ, ф. 119, к. 18, л. 11–11 об.; к. 18, д. 14, л. 14–14 об.

³⁰ ГА РФ, ф. 3316, оп. 32, д. 42, л. 13–13 об., 15.

³¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы), ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 77–77 об.

плате от 9 июля 1919 г., Кареев числился и в Первом Петроградском университете (оклад учёного составлял 2 880 руб. в месяц), и Третьем Петроградском университете (с окладом 2 304 руб. в месяц). Не коснулись его и сокращения, связанные со слиянием петроградских вузов и факультетов, – учёный автоматически получил звание профессора факультета общественных наук Единого Петроградского государственного университета³². Кроме университета Кареев работал и в так называемом Университете имени товарища Толмачёва, и на Кооперативных курсах на Фонтанке, и в Доме литераторов (на Бассейной), и в Доме искусств (на Морской), а с 1922 г. он начал преподавать в Географическом университете. Постановлением Научно-политической секции Государственного учёного совета от 22 июня 1923 г. Кареев был отставлен от чтения лекций в университете (документального объяснения причин этого решения обнаружить не удалось)³³, однако продолжил преподавание в Географическом институте³⁴. В апреле 1924 г. по личной просьбе он был переведен на сверхштатную должность ввиду запрета нового «Положения о научных работниках» одновременно получать пенсию и находиться на государственной службе. В своём заявлении профессор обосновал экономическую целесообразность данного решения и выразил готовность в случае необходимости продолжить работу в институте на условиях почасовой оплаты³⁵. В 1925 г. Географический институт вошёл в состав Ленинградского университета, где Кареев автоматически восстановился. За ним было закреплено чтение спецкурса по исторической этногеографии³⁶. Таким образом, говорить о том, что учёный был «отставлен» от преподавания, не приходится – на тех или иных условиях он работал в высшей школе до 1 сентября 1929 г. Окончательно свою трудовую деятельность Кареев завершил только в возрасте 78 лет в связи с проведением перевыборов профессоров и преподавателей, работавших свыше установленного срока; кроме того, и единственный читавшийся им курс в этом году был исключён из учебного плана³⁷. Несмотря на совпадение в датах с Шахтинским делом 1928 г. и последовавшей за ним волной репрессий, причины произошедшего, вероятнее всего, следует искать в обстоятельствах объективного характера: на момент сокращения учёный достиг весьма преклонного возраста, а единственный читавшийся им спецкурс по исторической этногеографии, по которому даже не сдавался экзамен, к сожалению, не пользовался популярностью среди студентов³⁸.

Не вполне подтверждается и предположение о том, что после 1917 г. для Кареева как учёного «старой школы» сократились возможности публикации его работ. Действительно, в период с 1917 по 1921 г. можно говорить о некотором сокращении публикационной активности исследователя, связанной прежде всего с экономическим кризисом. Однако негативная динамика была

³² ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 304 об.–305; 307–308, 312–315, 329, 333.

³³ В письме к Н.П. Корелиной учёный писал: «В той же бумаге, где об этом было сказано, один был “исключён” из состава профессуры, многие были “переведены за штат”, а я, Гревс и еще кое-кто “утверждены” ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 4, л. 113–114 об.). В исторической науке распространена версия «изгнания» В.И. Гревса из университета за «идеализм», относительно увольнения Кареева таких свидетельств обнаружить не удалось.

³⁴ ОР РГБ, ф. 119, к. 19, д. 23; ГА РФ, ф. А-539, оп. 3, д. 9032, л. 12 об.–13.

³⁵ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 345–346.

³⁶ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 98 об.–99.

³⁷ ОР РГБ, ф. 119, к. 20, д. 32; ЦГИА СПб, ф. 2556, оп. 11, д. 58, л. 94 об.–95; ф. 14, оп. 1, д. 8612, л. 356.

³⁸ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 136. В записной книжке за 1926 г. Кареев отмечал, что на лекцию пришёл только один студент (ОР РГБ, ф. 119, к. 3, д. 13, л. 59).

относительна: в условиях экономического кризиса в 1918–1920 гг. Н.И. Карееву всё же удалось выпустить две книги («Общие основы социологии» в 1919 г. и «История Западной Европы в начале XX века» в 1920 г.), добиться публикации третьей – работы «Великая Французская революция», вышедшей в приложении к иллюстрированному журналу «Нива» несколькими небольшими статьями; в июле 1920 г. был заключён и договор с издательством З.И. Гржебина на написание истории Франции, объёмом до десяти листов. С 1921 г., став рецензентом в журнале «Педагогическая мысль», Кареев получил возможность регулярно публиковаться, а в 1922 г. наряду со статьями удалось выпустить две монографии: «Западная Европа в Новое время: Революция и наполеоновская эпоха» и «Европа до и после войны в территориальном отношении».

К этому же времени относится и единственное встретившееся мне указание на цензурное ограничение: оно связано с изданием одной из последних работ ученого – учебного пособия «Общая методология гуманитарных наук»³⁹. Осенью 1922 г. Петроградский губернский отдел по делам литературы и издательств (Гублит) дал разрешение на публикацию рукописи. Издательство «Наука и школа» успело напечатать часть работы⁴⁰, однако в начале 1923 г. корректура была отозвана из издательства: на её публикацию как учебного пособия потребовалось получение особого разрешения из Государственного учёного совета. После довольно продолжительной задержки в печатании рукописи из Москвы пришло письмо, разрешающее её публикацию на общих основаниях. Однако по причине «резко идеалистической позиции» автора Карееву предложили напечатать работу при условии помещения в неё предисловия с критикой его взглядов. Отказавшись от этого, он предпринял ряд шагов: «Соглашаясь пожертвовать второстепенным, чтобы спасти главное», исследователь предложил внести коррективы в текст работы, смягчив «неудобные с цензурной точки зрения места». Председатель ленинградского Гублита И.Е. Острцов посоветовал учёному обратиться в Главлит, с разрешения которого книга могла быть освобождена от критического предисловия. На докладную записку Н.И. Кареева в Главлит от 3 июня 1924 г. председатель П.И. Лебедев-Полянский уже 9 июня наложил резолюцию: «Если в работе нет мест, неприемлемых с политической точки зрения, пропустить книгу без всяких предисловий»⁴¹. Справедливости ради следует отметить, что «Общая методология гуманитарных наук» так и не вышла в печати – причины этого, очевидно, следует искать в характере издания: как учебное пособие по гуманитарным дисциплинам оно привлекало особое внимание цензуры.

Однако этот цензурный казус не снизил общей публикационной активности Кареева: в 1923–1925 гг. было опубликовано 9 его монографий, посвящённых конкретно-историческим сюжетам⁴². Кроме того, в 1923 г. Кареев подготовил

³⁹ ОР РГБ, ф. 119, к. 39, д. 1–19. Подробнее см.: Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

⁴⁰ ОР РГБ, ф. 119, к. 39, д. 11–14.

⁴¹ Там же, к. 19, д. 36, л. 1–3.

⁴² В 1923 г. в издательстве «Сеятель» Е.В. Высоцкого вышли «Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время» и «Французская революция в историческом романе»; в издательстве «Брокгауз-Ефрон» – «Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи»; в издательстве «Наука и школа» – «Девятнадцатый век. Период от 1814 до 1859 гг. Историографический обзор» и «Новейшее время. Период от 1859 до 1914 гг. Историографические очерки». В 1925 г. в том же издательстве «Сеятель» была опубликована работа «Две английские

к изданию и опубликовал перевод работы М. Вебера «Город». 1923–1925 гг. характеризовались и публикацией статей учёного в журналах «Анналы» (три статьи), «Голос минувшего» (две статьи), «Педагогическая мысль» (пять статей). Эти данные позволяют судить о том, что возможность публиковаться у Кареева сохранялась и после «цензурной истории» с «Общей методологией гуманитарных наук».

Подтверждают это и документы 1928–1930 гг., связанные с изданием последних работ Кареева – его воспоминаний «Прожитое и пережитое»⁴³ и монографии «Очерки по истории социологии в России»⁴⁴. Надежды на публикацию мемуаров связывались, в первую очередь, со «старыми издательствами», в частности с издательством М. и С. Сабашниковых, в котором печаталась серия мемуарной литературы и с которым учёного связывали близкие отношения ещё в дореволюционное время. Однако рукопись была отклонена. В письме к Н.П. Корелиной от 25 февраля 1930 г. Кареев с обидой отмечал: «Читал много мемуаров, между прочим, изданных Сабашниковым, а вот мои лежат под спудом. Тот, кто обещал издать, надул»⁴⁵. Отказ побудил учёного искать иные возможности. Узнав о начале публикации издательством «Наука и жизнь» сборников «Минувшее», в письме от 13 января 1930 г. Кареев предложил главе издательства В.Д. Бонч-Бруевичу «рассказ об изгнании из университета в 1899 г.»⁴⁶ Ответа на письмо долго не поступало. И лишь в письме от 9 августа 1930 г. Бонч-Бруевич дал положительный ответ: «Ваша весьма ценная работа действительно мною может быть напечатана. Так как в настоящее время сборники “Минувшее” начинают действительно выходить в свет, и я с твёрдой убеждённостью могу сказать, что их будет выходить много, то и прошу Вас не отказать в высылке Ваших воспоминаний о 1905 г. ... Само собой понятно, что все другие ваши воспоминания о М.М. Ковалевском или о др[угом] – всё крайне интересно». Посылая рукопись о Кровавом воскресенье, историк решился подробнее рассказать о лежавшей «в столе» рукописи: «Что касается до целой книги моих воспоминаний, то она охватывает восемь десятилетий моей жизни: детство, средняя школа, университет, учительство, заграничная командировка, профессура в Варшаве (с польскими отношениями), профессура и общественная деятельность в Петербурге, заграничные поездки и т.д. Время до 1917 г. изложено на 270 стр[аницах], а после ещё на 50 страницах». В.Д. Бонч-Бруевич оценил всю важность книги воспоминаний историка и, как следует из письма от 7 ноября 1930 г., даже договорился о её издании с отделом «Academia» Литературно-художественного Госиздата⁴⁷.

Над последней своей монографией «Очерки по истории социологии в России» Кареев работал с конца 1927 г. до марта 1930 г.⁴⁸ Сохранились заявле-

революции XVII века»; в издательстве «Колос» – 2 тома работы «Историки Французской революции» («Французские историки первой половины века» и «Французские историки второй половины XIX века и начала XX века»). В 1925 г. в издательстве «Колос» вышел третий том «Историков Французской революции» («Изучение Французской революции вне Франции»).

⁴³ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990.

⁴⁴ В архивах обнаружены два экземпляра рукописи: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – СПФ АРАН), ф. 980, оп. 1, д. 16; ОР РГБ, ф. 119, к. 38, д. 1–18. В 1996 г. рукопись была опубликована по петербургскому экземпляру авторским коллективом под руководством И.А. Голосенко под названием «Основы русской социологии».

⁴⁵ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 64 об.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 2.

⁴⁷ Там же, к. 159, д. 6, л. 1, 5 об., 7.

⁴⁸ Там же, ф. 119, к. 17, д. 7, л. 26.

ния учёного с просьбой о публикации «Очерков» в Отделение гуманитарных наук АН СССР, Комиссию по истории знаний АН СССР, Президенту АН СССР А.П. Карпинскому⁴⁹. Сохранились свидетельства, позволяющие предположить, что Карееву удалось добиться разрешения на публикацию и этой работы⁵⁰.

Анализ динамики публикационной активности Кареева позволяет сделать несколько наблюдений. Работы учёного порой действительно попадали под цензурные ограничения (однако и в этом случае существовала возможность апелляции к решению вышестоящей инстанции). Однако представление о том, что в 1920-е гг. публикация работ Кареева как представителя «старой профессуры» искусственно затруднялась, не находит подтверждения. Публикационные возможности для исследователя сохранялись и зачастую обуславливались не корпоративными связями внутри научного сообщества, а его индивидуальным весом и заинтересованностью издателя в книге. Как нельзя более ярко это иллюстрирует ситуация с публикацией мемуаров Кареева, отклонённых Сабашниковым и принятых к публикации Бонч-Бруевичем. Работал и механизм публикации через систему рекомендаций и квот – случай с подготовкой к публикации работы «Очерки по истории социологии в России» иллюстрирует, что как почётному члену АН СССР Н.И. Карееву удавалось использовать его возможности.

Таким образом и в творческом отношении учёный не имел искусственных ограничений: возможности ведения преподавательской деятельности и публикации работ сохранялись, хотя и не были безграничными. Однако всё ли было так благополучно в жизни «буржуазного» профессора?

События последних лет жизни Кареева наиболее легко вписываются в схему «репрессированной науки»: в 1928 г. был арестован сын Кареева Константин, в 1929 г. учёный получил вместо «действительного» только «почётное» членство в Академии наук СССР, в 1930 г. на заседании методологической секции Общества историков-марксистов он обвинялся в «выкриках против марксизма» и «стремлении реставрировать свергнутые классы». Попробуем разобраться в хитросплетениях этих лет.

Сын Николая Ивановича Константин («Котик») был арестован по делу религиозно-философского кружка «Воскресение» («дело А.А. Мейера»). Вместе с К.Н. Кареевым по делу проходили И.М. Гревс, О.А. Добиащ-Рождественская, Л.С. Косвен и др. В публикации И. Флиге и А. Даниэля, посвященной истории «Воскресения», приводятся следующие сведения о К.Н. Карееве: «Кареев Константин Николаевич (1883–1945). Служащий; с 1924 – безработный. Сын историка Н.И. Кареева. Арестован 11 декабря 1928 г., освобождён под подписку о невыезде 4 февраля 1929 г., приговорён к лишению права проживания в 6 городах СССР сроком на 3 года. Выслан в Смоленск»⁵¹.

Тот факт, что К.Н. Кареев был освобожден спустя полтора месяца, позволил предположить, что причиной этого стало положение и влияние отца. Вероятно, в какой-то степени об этом свидетельствует и место высылки Константина – хорошо известный семье Кареевых Смоленск. Очевидно, что Н.И. Кареев пытался использовать все свои связи для помощи сыну. В письме к Н.П. Корелиной о поездке к Константину в Смоленск он описывал его подавленное со-

⁴⁹ Там же, к. 18, д. 9–21, л. 4–4 об.

⁵⁰ Там же, к. 19, д. 24, л. 1; к. 18, д. 34, л. 20 об.

⁵¹ Дело А.А. Мейера / Публ., подгот. текста, вступ. коммент. и примеч. И. Флиге и А. Даниэль // Звезда. 2006. № 11.

стояние: «За 15 месяцев, в течение которых я его не видел, он несколько похудел и постарел (седина в боках бороды), но я нашёл его бодрым, хотя в общем, конечно, невесёлым. Положение его прежнее, т.е. бесправное и безработное»⁵². Однако попытки Н.И. Кареева через старые связи добиться получения работы для сына и какого-либо облегчения его положения ни к чему не привели⁵³. База данных «Мемориал» уточнила, что 29 октября 1930 г. Константин, проживающий в Смоленске, вновь был арестован и 17 сентября 1931 г. (уже после смерти Н.И. Кареева) приговорён к трем годам лагерей. В 1932 г., отбыв наказания, он лишился права проживать в 12 населённых пунктах⁵⁴. В письме брату от 31 декабря 1930 г. (когда Константин Николаевич подвергся уже второму аресту) учёный тревожно отмечал: «От Котика вестей нет»⁵⁵. В случае с арестом и последующей ссылкой К.Н. Кареева приходится констатировать, что ни статус Н.И. Кареева, ни система связей в общественно-политических кругах, к сожалению, не сработали. Почему? Обратимся к следующему сюжету.

Летом 1928 г. был опубликован список 225 лиц, рекомендованных как кандидаты в Академию наук разными научными учреждениями и частными группами учёных⁵⁶. Несмотря на научные заслуги Кареева, его кандидатуру в действительные члены не предложили⁵⁷. Среди предлагаемых к избранию были кандидатуры «красных профессоров» Н.И. Бухарина, А.М. Деборина, Н.М. Лукина, В.М. Фриче, Г.М. Кржижановского, И.М. Губкина – именно на это обстоятельство чаще всего обращают внимание в историографии⁵⁸. Но важнее другой факт: в письмах историка В.П. Бузескула секретарю Отделения гуманитарных наук АН СССР С.Ф. Платонову применительно к выборам 1929 г. встречается словосочетание «массовое производство» академиков⁵⁹. Действительно, выборы 1929 г. стали своего рода рекордом по количеству присвоенных званий – их число увеличилось вдвое (вероятно, именно для того, чтобы снять остроту введения кандидатур «красных профессоров»)⁶⁰.

В письмах Платонову Бузескул пытался настоять на кандидатуре Кареева, делая упор на долголетнее служение учёного русской науке и подходящий к случаю юбилей (60 лет со дня появления первой печатной работы). Стилистика писем подчёркивает его настойчивость: «Я по-прежнему держусь того мнения, что справедливость требует избрать в члены Академии проф[ессора] Н.И. Кареева, который давно этого заслужил... Возраст его, конечно, большой,

⁵² ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 58–59 об.

⁵³ Там же, л. 12 об.

⁵⁴ URL: <http://lists.memo.ru/indexll.htm>; дата обращения 25 февраля 2013 г.

⁵⁵ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 9.

⁵⁶ К выборам новых академиков // Известия. 1928. № 128, 3 июня. С. 5.

⁵⁷ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 301; ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 71 об.–72.

⁵⁸ Подробнее см.: Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. В 2 ч. СПб., 1998; Перченко Ф.Ф. Указ. соч. С. 201–235; Анапич Б.В., Панях В.М. «Академическое дело» как исторический источник // Исторические записки: памяти И.Д. Ковальченко. 1999. № 2 (120). С. 338–350. Подробную библиографию см.: Леонов В.П. Академическое дело // Библиография. 1998. № 1. С. 85–94.

⁵⁹ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2403, л. 6–6 об.

⁶⁰ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС 1922–1991 / 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 55–56; Малышева М.П., Познанский В.С. Партийное руководство Академии наук. Семь документов из бывшего архива Новосибирского обкома КПСС // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 11.

но он не утратил свежести мысли и работоспособности, и я смотрел бы на его избрание как на акт справедливости»; «раз увеличивают чуть не вдвое число академиков, то, может быть, нашлось бы место и для Н.И. Кареева, откровенно говоря, мне больно за него, если при “массовом производстве” академиков он будет обойдён; по моему мнению, он заслуживает избрания»⁶¹. После того как кандидатура Кареева была решительно отклонена Отделением гуманитарных наук, Бузескул смог добиться для учёного вместо «действительного» только «почётного» членства⁶². Сложности всех «подковёрных» игр иллюстрируют опасения, высказанные Бузескулом в письме от 1 января 1929 г.: «Когда же будет происходить баллотировка лиц, представленных в почётные члены? Если не 12 [января], а в следующем затем общем собрании, тогда выборы их будут проходить при новом составе (ибо избранные новые действительные члены после 12 января вступают во все свои права), это может повлиять на результат»⁶³. Но даже в этом отношении результат голосования на выборах был далеко не очевиден: Н.И. Кареев в письме к Н.П. Корелиной писал: «Вам известно, как меня обходили при выборах в Ак[адемию] наук. Теперь там возникла мысль об избрании меня в почётные члены (членом-корреспондентом я состоял давно), и завтра будут выборы, на которых могут и прокатить»⁶⁴. Академия наук СССР сумела избрать Н.И. Кареева своим почётным членом 31 января 1929 г. Но это известие скорее огорчило его, он почувствовал себя «обойдённым». Однако, как показывают документы, вовсе не «красные профессора» обошли «старого преподавателя истории» (как называл себя сам Кареев), а более молодые и активные учёные из одного с ним лагеря.

Сюжеты, связанные с арестом сына и с участием Кареева в выборах в Академию, на мой взгляд, иллюстрируют наметившееся с конца 1920-х гг. ослабление «символического статуса» Кареева в научном сообществе. Учёный, в 1917 г. бывший и успешным, и влиятельным, и знаменитым, в конце 1920-х гг. невольно отошёл на второй план. Причиной этого стали и преклонный возраст, и отсутствие административных ресурсов (Кареев не занимал никаких постов ни в университете, ни в Академии наук, ни в общественно-политических структурах), и «размывание» научного авторитета (работы учёного по проблемам образования, методологии гуманитарного знания (теории истории и социологии) в свете изменений в этих сферах уже потеряли свою актуальность; как специалиста же по истории Великой Французской революции его теснила близкая к политике школа Н.М. Лукина). Результатом этой негативной динамики стало для Кареева сужение реальных возможностей при сохранении некоторых преимуществ (таких как «почётное» членство, персональная премия и т.д.).

Внимание широкой общественности к имени учёного привлекли события декабря 1930 г. На заседании методологической секции Общества историков-марксистов, посвящённом анализу работ Кареева, Бузескула, Д.М. Петрушевского и других «старых профессоров», председатель Общества Н.М. Лукин обвинил Кареева в стремлении «реставрировать свергнутые классы» и в «вы-

⁶¹ Архив Российской академии наук, ф. 2, оп. 1–1928, д. 89, л. 67; ОР РНБ, ф. 585, д. 2403, л. 13 об.

⁶² ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 71 об.–72.

⁶³ ОР РНБ, ф. 585, д. 2403, л. 28.

⁶⁴ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 93 об.

криках против марксизма», раздающихся в иностранной печати⁶⁵. В развёрнутом виде доклад, сопровождаемый критической статьёй Н.П. Фрейберг, был опубликован в издании «Историк-марксист». Фрейберг обвиняла Кареева в «отрицательном, если не сказать, враждебном отношении к марксизму... несмотря на кажущуюся “объективность” работ, посвящённых конкретно историческим вопросам»⁶⁶.

Тот факт, что доклад Лукина был озвучен именно в дни празднования семьёй Кареева 80-летнего юбилея учёного (к слову, АН СССР никак не отметила это событие), ещё более усугубил психологически тяжёлую ситуацию. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает, – писал Кареев, – впрочем, один академик мне всё-таки преподнёс вместо поздравления инсинуацию»⁶⁷. В письме брату В.И. Карееву историк отмечал: «Одна из причин плохого сна в предыдущую ночь заключалась в думах о том, как реагировать на доклад Лукина (академика), который тебе известен из газеты»⁶⁸, а в письме к Н.П. Корелиной от 31 января 1930 г.: «Доклад был первым из целого ряда докладов, общим вступлением в доклады об отдельных ныне живущих историках... За кем дальнейшим очередь, не знаю, но, очевидно, проберут всех ныне живущих историков»⁶⁹.

Публикация материалов заседания методологической секции Общества историков-марксистов в журнале «Историк-марксист» и вечернем выпуске «Красной газеты» встревожила Кареева. Он написал открытое протестное письмо президенту АН А.П. Карпинскому и неопределяемому секретарю СССР Волгину⁷⁰ (копию он разослал некоторым знакомым академикам)⁷¹; письмо в редакцию «Малой советской энциклопедии»⁷². В нём учёный протестовал против сближения его научной деятельности с процессом Промпартии, настаивал на том, что Лукин в действительности «не может указать ни одного места, на котором отразились бы стремления господствовавших классов царской России», указывал, что высказывания Лукина «выходят за пределы чисто научной полемики»⁷³. Ответа на письмо Кареева не последовало. По словам историка, оно осталось «ударом хлыста по воде»⁷⁴. Однако даже решившись на открытый протест, Кареев предпринял все возможные усилия, чтобы исправить негативное впечатление о своих работах. Незадолго до смерти учёного в его черновиках встречается запись о начале работы над статьёй «об историках-марксистах» на французском языке⁷⁵. В ходе работы над рукописью Кареев тщательно изу-

⁶⁵ Буржуазные историки в СССР: Доклад академика Н.М. Лукина в обществе историков-марксистов // Красная газета. 1930. № 305 (2663). С. 2. Н.М. Лукин имел в виду статью Н.И. Кареева «Russie», опубликованную в издании: *Histoire et historiens depuis 50 ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926*. Vol. 1. P., 1927. P. 341–370. Её перевод см.: *Кареев Н.И. Отчёт о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)* / Публ. подгот. В.П. Золотарёв // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136–154.

⁶⁶ Буржуазные историки Запада в СССР. (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.): открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 77.

⁶⁷ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 4, л. 117.

⁶⁸ ОР РГБ, ф. 369, к. 282, д. 41, л. 9.

⁶⁹ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 123 об.–124.

⁷⁰ СПФ АРАН, ф. 980, оп. 1, д. 47.

⁷¹ ОР РГБ, ф. 119, к. 6, д. 62.

⁷² «Многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях»: Письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» о его отношении к К. Марксу и марксизму. 1931 г. / Публ. В.П. Золотарёва // Исторический архив. 2002. № 6. С. 169–175.

⁷³ СПФ АРАН, ф. 980, оп. 1, д. 47, л. 1.

⁷⁴ ЦГА Москвы, ф. 2202, оп. 3, д. 3, т. 1, л. 124.

⁷⁵ ОР РГБ, ф. 119, к. 18, д. 34, л. 20 об. (3 января – 5 января 1931 г.), 21 об. (15 января 1931 г.).

чал материалы своих оппонентов⁷⁶. Однако закончить эту работу он не успел – 18 февраля 1931 г. Кареев скончался.

В чём была причина столь острой критики историка в периодической печати? Помещение имени Кареева в ретиорику «академического дела» обусловлено в первую очередь его принадлежностью к академической корпорации и тематикой исследований: учёный являлся крупнейшим специалистом по истории Великой Французской революции – одного из наиболее ангажированных сюжетов исторической науки того времени⁷⁷. Могли бы иметь какие-либо последствия для Кареева доклад Лукина и статья Фрейберг? Среди упоминавшихся вместе с ним «буржуазных историков» – как уже арестованный Е.В. Тарле⁷⁸, так и те, против кого никаких уголовных обвинений не выдвигали – Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, В.П. Бузескул⁷⁹. Планировались ли репрессивные акции или же «окрик красных профессоров» был направлен на дискредитацию научного сообщества и повышение символического статуса в нём представителей нового поколения? Вопрос остаётся открытым. Однако тот факт, что смерть Кареева трагическим образом совпала с высказанными в его адрес обвинениями, которые, к слову, так и не были опровергнуты в публичном пространстве, оказал влияние на посмертную судьбу наследия учёного – в советской исторической науке его творчество отныне ассоциировалось с ярлыками «противника марксизма» и «идеализма» и надолго исчезло из внимания историографической мысли, а будучи возвращённым, оказалось частью историографического клише о репрессиях в отношении «старой профессуры», не способствуя объективному рассмотрению ни биографии учёного ни историографической школы, им представляемой.

Анализ научной биографии Н.И. Кареева на фоне изменений 1920-х гг. позволяет заключить, что в условиях ломки научной системы (в историографии трактуемой как попытки её обновления за счёт смены принципа воспроизводства и ротации научных элит) власть считалась и с символическим статусом учёного, и с корпоративными правилами научного сообщества. Хотя социально-политические условия в целом определяли особенности и динамику функционирования научного сообщества (в том числе положение учёных «старой школы»), отношения власти и отдельного учёного зачастую были индивидуализированы, обусловлены субъективными факторами и выстраивались в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ – местонахождения учёного в структуре науки, его научной репутации и потенциала в большей степени и его политической позицией в меньшей.

Под этим сокращением имелась в виду работа «Французская революция в марксистском освещении в России» («La révolution française dans l'historiographie marxiste en Russie»). См.: Там же, к. 42, д. 9, л. 2–75. Предположительно она была подготовлена для публикации в издании: «Encyclopedia for the social sciences» (Там же, к 18, д. 34).

⁷⁶ Так, листок читательского требования свидетельствует о том, что 20 января 1931 г. Кареев заказывал в Библиотеке Академии наук книгу Лукина «Новейшая история Западной Европы» (Там же, к. 42, д. 9, л. 6).

⁷⁷ Подробнее о противостоянии школ см.: Гордон А.В. Великая Французская революция, преломленная советской эпохой // Одиссей: Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 311–336.

⁷⁸ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле: человек в тисках беззакония // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., 1995. С. 108–127.

⁷⁹ Чудинов А.В. Историк воюющий: Н.М. Лукин // Историк и власть: советские историки сталинской эпохи. Саратов, 2006. С. 199–250.